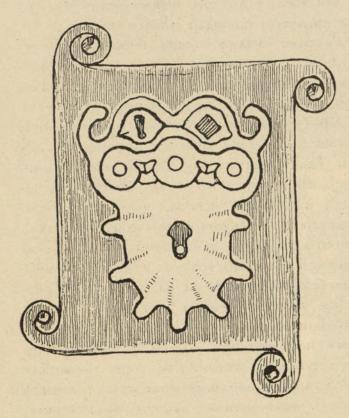
Жа берегу Јоническаго моря.

ВЬ Неапол' шель дождь, и этоть неизящный городь казался особенно унылымь. буро-сърыя волны скучно, съ одинаковымъ, ни къ чему не ведущимъ, раздраженіемъ ударялись въ каменную стъну набережной, смывая грязь и соръ со ступеней лъстницъ,

ведущих внизв.

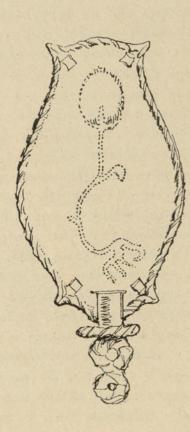
Мокрые троттуары, итальянцы съ гигантскими красноватыми зонтиками, въчно сломанными, нависшее небо и очень злой вітерь, от котораго небольшія пальмы главнаго сада смущенно и безпомощно дрожали встми листвями, и казалось, что пальмамъ туть совымь не слыдуеть и нехорошо быть. Вы музей — Каллипига, поды мутнымы свытомъ ненастнаго дня, смотръла печально и насмъшливо, а нъжный, женственный Аполлонь, привыкшій къ широкимь солнечнымь лучамь, потому что окно его комнаты выходить на югь, казался оскорбленнымь, больнымь и потухшимь. Хотьлось поскорбе подъ струями грязной, холодной воды.

А. Галленъ. **Дверной** замокъ.

Вечером вы выбхали на Редне6ольшой городокъ въ Калабріи, місто, наиболбе близкое кв Сицилін, отділенное от в нея лишь узкимЪ Мессинскимъ проливомъ.

Этоть утомительный ночной перевздь, Неаполя до Реджіо, быль теперь, во время весенняго сирокко, почти Дождь опасень. хлесталь вь черныя окна вагона равномБрной

А. Галленъ. Стѣнной подсвъчникъ.

А. Галленъ. Дверной замокъ.

силой, вЪтерЪ, при остановкахЪ, казалосЬ, удваивался, рвалЪ такЪ, что поЪздЪ вздрагивалЪ и трепеталЪ на рельсахЪ, и думалосЬ, что нельзя идти противЪ этого визжащаго урагана. И шли сЪ трудомЪ, медленно, останавливаясЬ, такЪ что кЪ утру опоздали часа на три.

Утромъ, солнце, еще очень низкое, ударило въ стекло вагона жидкими, холодными лучами. По солнцу было видно, что вътеръ продолжается, развъ слегка утишенный разсвътомъ. За окномъ мелькала странная мъстность, не похожая на Италію. Пустые, мало заселенные, низкіе пригорки, покрытые почти сплошь кактусами, все одной и той же породы, съ мясистыми и толстыми, какъ ле-

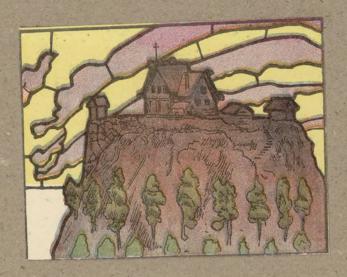
пешки, листьями, — безъ стволовъ. Листья растуть изъ листьевъ; старые, нижніе, совство огрубъвають, еще живые — черньють, теряють отчасти форму и превращаются въ стволь. Листья хитро и разумно всть обернуты въ одну сторону, на переръзъ вътру: они не могутъ гнуться и не хотять ломаться, а вътеръ непремънно бы ихъ сломаль, встръть онъ на своемъ дикомъ пути широкую площадь цълаго листа.

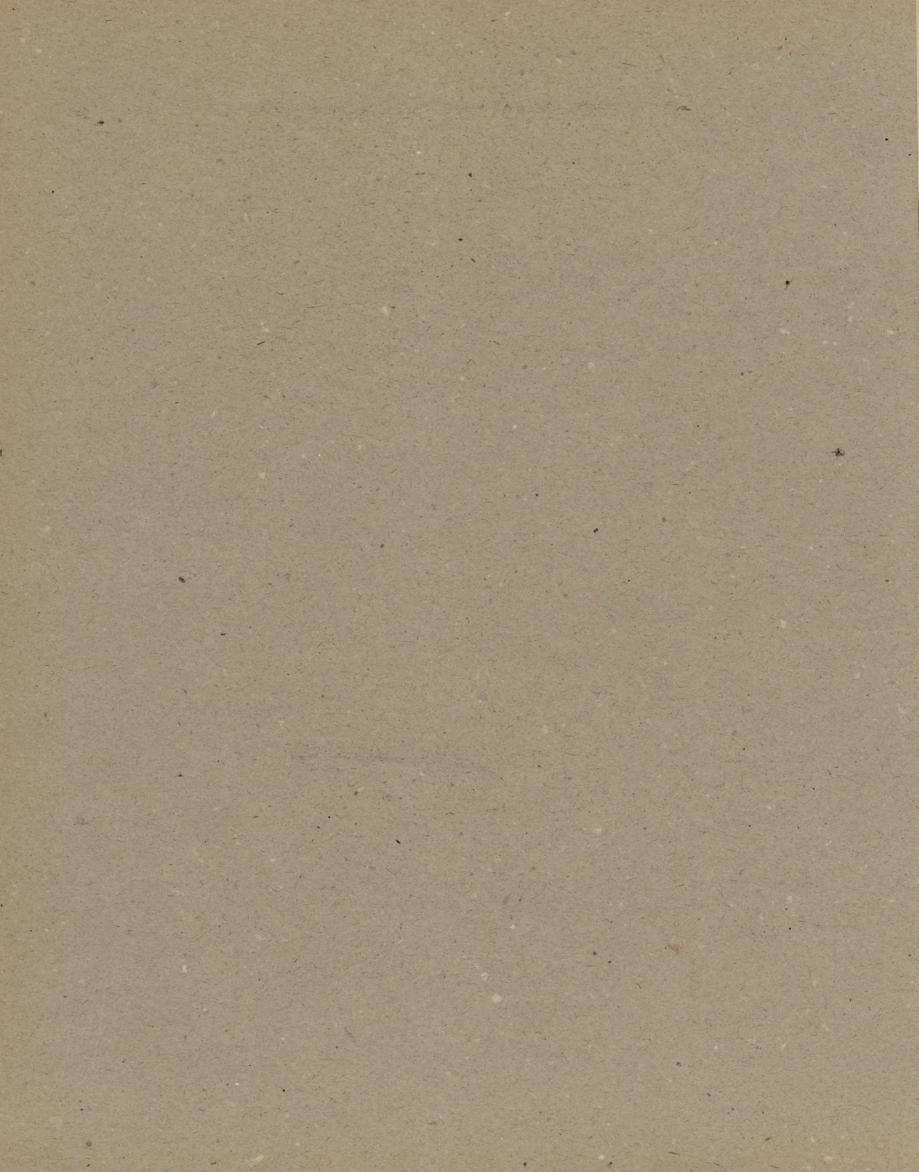
Сверкнуло море, вЪтреное, жидкое подъ жидкими лучами солнца, неровное, съ некрасивыми полосами. Все было некрасиво и только странно; казалось, знакомая и добрая Италія далеко, — а что ждеть въ этой, непохожей на нее, странѣ — неизвъстно.
Можеть быть хорошее, а можеть и дурное. Впрочемь, два англичанина, Ъдущіе въ
Сицилію съ твердымъ намъреніемъ найти ее прекрасной, уже глубоко наслаждались.
Они говорили мало, но не отрывались отъ бинокля и были насквозъ проникнуты довольствомъ. Нъсколько молодыхъ итальянцевъ вхали на охоту, въ Калабрію; они,
въроятно, были изъ хорошаго общества, но всѣ носили на себъ тотъ отпечатокъ непорядочности и неприличія, безъ котораго нѣть итальянца. Жесты, выраженіе лица,
оттънокъ галстука, покрой платья — все отзывалось неуловимой оскорбительностью.
Съ ними говорила дама, итальянка, съ большими качающимися перьями на шляпѣ, не
очень молодая. Она говорила такъ, какъ могутъ говорить только итальянки: однотоннымъ, высокимъ — и грубымъ голосомъ, не останавливаясь ни на минуту, съ разрывнымъ трескомъ, точно быстро вертѣла ручку тугой кофейной мельницы. Съ ея
говоромъ не сливался и стукъ поѣзда: они шумѣли отдѣльно.

Пароходь, вспънивая воду и уже начиная покачиваться, отошель. Калабрійскій берегь удалялся, но мы и не смотръли на него: розовыя, неизвъстыя горы вырастали впереди. Онъ казались совсъмь туть, только дымокь, заволакивавшій ихь, говориль объ отдаленіи. Онъ были свътлыя и теплыя подъ черносиними, вдругь наплывшими,

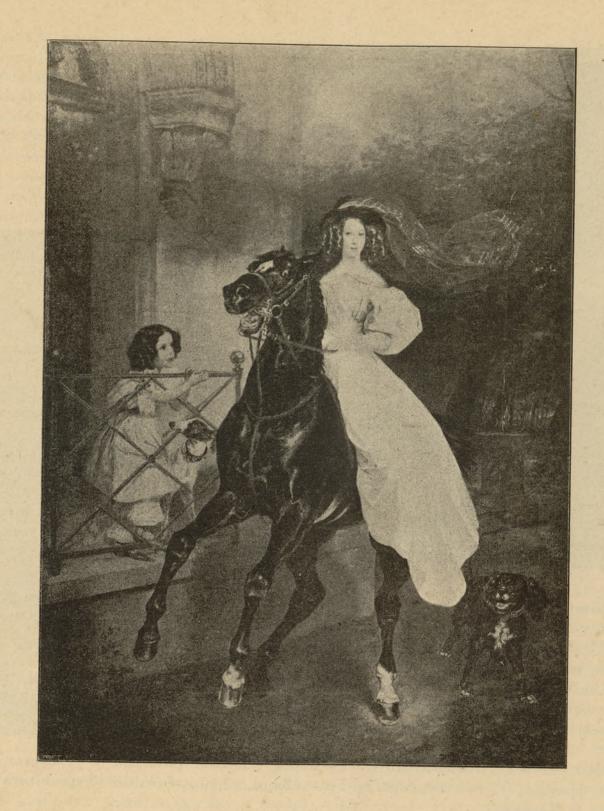

A. PAAACHE. PRESHKH AAA URKTHEIXE. CTCKOTE.

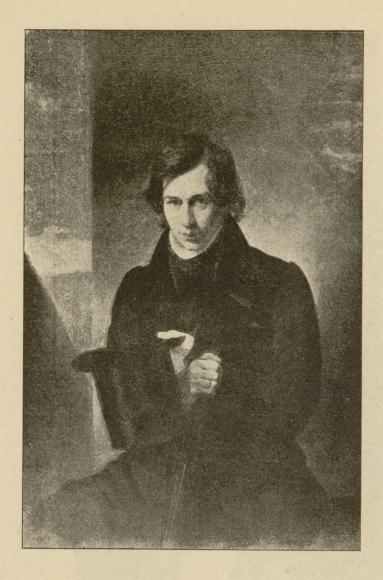

К. Брюлловъ. Всадница.

тучами, надъ некрасиво-злымъ моремъ, повторявшемъ тучи, Волны широко и высоко поднимали пароходъ. Подъ совсъмъ выросшей горой забълъли домики. Это Мессина. А очертанье Сициліи такъ и осталось свътлымъ и веселымъ, —розовымъ, несмотря на дикій вътеръ и все наплывающія тучи.

К. Брюлловъ. Портретъ Н. Кукольника.

— НБтЪ, слишкомЪ высоко,—недовольнымЪ голосомЪ произнесЪ одинЪ изЪ нашихЪ спутниковЪ, когда мы поднималисЬ вЪ коляскѢ по бѣлому, извивающемуся шоссе снизу, изЪ Giardini — вЪ Таормину. Giardini — некрасивое и крошечное мѣстечко у самаго моря, со станціей желѣзной дороги. Giardini неинтересно, да кЪ тому же и не здорово: тамЪлихорадки.

— Черезчуръ высоко, — повторилъ нашъ спутникъ. — Не люблю я высокихъ видовъ. Какъ будто и хорошо, — а природы не чувствуется, и все условно: горы, скалы, море... "Питторескъ", что называется. Для англичанъ годится.

Спутникъ нашъ былъ одинъ изъ тъхъ русскихъ, которые въчно и одиноко шатаются за границей, безъ дъла, безъ плана, безъ желаній, по малъйшему предлогу Бдутъ въ какое угодно мъсто — и безъ предлога его оставляють, не говорять ни на какомъ языкъ, за табльдотомъ угрюмы

и прожорливы, въчно недовольны "заграницей" — но въ Россію все не попадають, не то по другимъ причинамъ, — неизвъстнымъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, ворчливый спутникъ нашъ былъ почти правъ. Море, уходя, выростало и дълалось красивымъ, но не живымъ, какъ нарисованное; все сглаживалось, и принимало самыя живописныя очертанья, до такой степени сладко и обыкновенно живописныя, что становилось жалъ... Зачъмъ было въъзжать въ розовыя и веселыя горы Сициліи, которыя издали казались такими особенными, такими не здъшними?

Мы уже и въ Giardini пріїхали въ толпъ. Одинокіе англичане и семейства англичань, французовъ, толстые норвежцы и—нізмцы, нізмцы! Столько нізмцевъ, что стало жутко за Таормину.

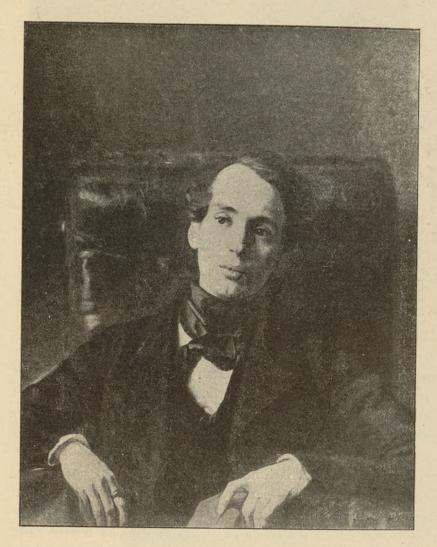
. Путешественники казались растерянными, точно они не знали хорошенько, зачъмъ пріъхали въ Таормину и почему именно въ Таормину. Всѣ они рвались въ отель Тимео, но Тимео быль переполнень. Да и портье другихъ отелей отвѣчали какъ-то подозрительно: вѣроятно съ поѣздомъ наканунѣ пріѣхало еще больше нѣмцевъ и норвежцевъ. Путешественники были въ грустномъ недоумѣніи: каждый очевидно думаль пріѣхать въ крошечное, уединенное мѣстечко, открытое чуть не имъ самимъ.

И мы поднимались наверхъ тучей, точно длинная процессія. Нъкоторые пытались

перегонять переднихь, и это было страшно, потому что они могли занять мъста въ гостинницахъ. А дорога все вилась и вилась, блъдная, пыльная, между сърыми скалами, сърыми оливами и съроватыми, толстыми заборами изъ кактусовъ. Море удалялось, превращаясь въ фарфоровое, а солнце казалось еще ослъпительнъе отъ вътра, который усилился наверху.

Таормина— небольшой сърый городокъ съ единственной длинной улицей, которая начинается со старинныхъ воротъ— porta Messina— и кончается, на другой сторонъ, тоже воротами— porta Catania. Таормина лежитъ въ одинаковомъ разстоянии часа ъзды

по жельзной дорогь — между Мессиной и Катаньей. Шоссе подходить кь рогта Меssina, сь этой-же стороны находятся и развалины греческаго театра. Около рогта Сатапіа видны еще разрушенныя укрыпленія и стына стараго города, черная, изы разсывшихся камней вы однообразномы мавританскомы стиль, который, здысь преобладаеть. Темные и красноватые, зубцы рызко и грустно выдыляются на небы, когда оно горячее и очень синее.

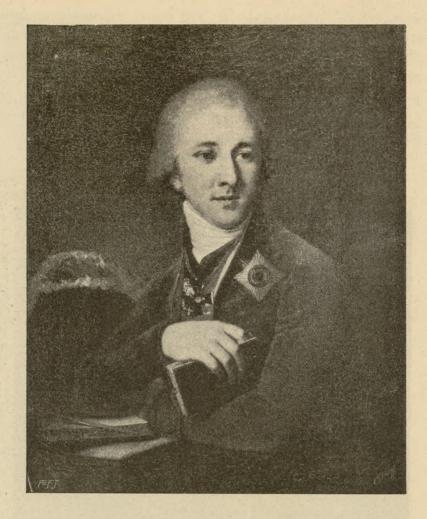
Таормина, этотъ маленькій городокъ, имъетъ, какъ извъстно свою исторію, очень сложную, богатую событіями и бъдами. Слъды самыхъ разнообразныхъ культуръ видны здъсь; городокъ на берегу моря, хорошо защищенный скалами, очевидно привлекалъ всъхъ. За четыре стольтія до Р. Х. онъ принадлежалъ грекамъ и, въроятно, имълъ значеніе и силу; театръ того времени, впослъдствіи возобновленный римля-

нами, быль одинь изь обширнъйшихь. Окончательно разрушень онь сарацинами, нападенія которыхь долго выдерживаль хорошо укрѣпленный городь. Извѣстный по жестокости Ибрагимь бень Ахметь взяль Таормину послѣ горячей битвы на берегу моря. Даже Мола, маленькій городокь надь Таорминой, на высокой отвѣсной скаль, была взята маврами, жители убиты и городь сожжень. Есть легенда, что знаменитый Ибрагимь велѣль задушить товарищей епископа Прокопія на его трупѣ и хотѣль непремѣню сывств сердце этого несчастнаго епископа. Тѣмь не менѣе Таормина опять поднялась, такь что черезь шестьдесять лѣть, вь 962, эмирь Гассань долго осаждаль ее и взяль, наконець приступомь. Онь назваль ее Моезгіа и устроиль тамь мусульманскую

В. Боровиковскій Портретъ А. Ө. Лабзина.

колонію. Послів этого Таормина переходила вів руки и нормандцевів, и французовів, выдерживала битвы, раззореніе, поправляласів, горівла, опятів поправляласів, пока наконеців вів апрівлів 1849 не была взята неаполитанцами.

СлБды этой бурной жизни видны во всемь. Пестрыя средневЪковыя развалины Badia Vecchia, церковь святого Панкрація, сдьланная изъ греческаго храма, съзамокb-крвпость — Castello, — все говорить о прежней красивой и двятельной жизни города. Теперь культура послідняго времени, велосипедная культура англичань, ньмцевь, гидовь, отельшиковь — кладеть на него свою, унылую, печать; Таормина, выдерживавшая битвы съ сарацинами, — ослабьла и гибнеть; она привыкла къ честнымъ и жарким в битвам в, но битв в больше ньть; а съ медленнымъ ядомъ Таормина не умбеть бороться.

Гостинницы здбсь устроены, кромб немногих в старинных в, какова Тимео, Неймахія, — на скорую руку, въ первомъ попавшемся домъ; въ нихъ явилась надобность внезапно. Мы едва, посл'в многих в скитаній, основались в в очень непривлекательном в отель, хозяинь котораго, пронырливый и красивый итальянець очень гордился тьмь, что домв его-старинный палаццо. Итальянець этоть немедленно сообщиль намв, что онъ собираетъ древности и приглашалъ насъ взглянуть на его коллекцію, которая помЪщалась отдЪльно, въ башнЪ, черезъ палисадникъ. Какъ мы узнали послъ, въ ТаорминЪ почти всЪ содержатели отелей, аптекЪ, кафѐ-занимаются собираніемЪ и перепродажей "древностей" путешественникамв. Сомнительныя статуетки, облвпленныя землей, жельзныя цъпочки, колечки, лампады съ зеленью и ржавчиной иногда очень свъжей, обломки, черепки и, главное ризы, безконечныя ризы, кружевныя, шелковыя, затканныя золотомъ, серебромъ, бархатными цвътами, прязныя, истертыя и цълыя, и чистыя. Промысель "старых в матерій" теперь в Таормин особенно выгодень. В в нашемь "палаццо", въ маленькихъ комнаткахъ съ каменнымъ поломъ безъ ковра, двери (оконъ не полагается) были съ трешинами и едва затворялись. Мы спросили, нъть-ли печей-но на насъ взглянули съ откровеннымъ недоумъніемъ: какія-же печи въ Сициліи? Да еще въ концъ февраля! И мы не настаивали.

Намъ подали завтракъ въ пустынной (табльдотъ уже кончился) странной столовой со сводчатымъ потолкомъ темноголубого цвъта. Она была убрана не то въ восточномъ, не то въ какомъ-то несуществующемъ стилъ. По стънамъ, на столахъ, разставлены рос-

писныя вазы из в коллекціи хозяина; на дверях в покнах в вибсто занав всей, висят в куски шелковых в малиновых в риз в. Красиво, впрочем в, было громадное, во всю ствну, овальное зеркало в в двиствительно старинной рам в. Синвло, голубвло усталое стекло, отражая все—печальным в, нвжным в и темным в; таким в, в вроятно, мір в отражаєт в затихшая душа мудраго, очен в стараго челов вка.

Мы вышли пройтись и посмотръть театрь. Въ палисадникъ отеля стояла высокая

В. Боровиковскій. Женскій портретъ

перистая пальма, тускло-зеленая, точно увядшая; она сухо и жалко металась от порывовь сирокко.

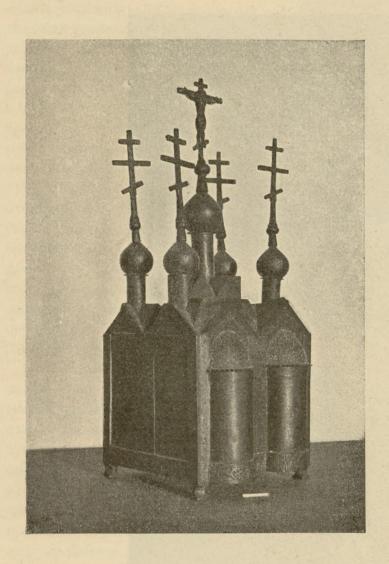
На главной, небольшой, площади Таормины, тамь, гдь ворота съ часами наверху и некрасивый соборь поздныйшаго времени,—туча ядовитой пыли едва не сбила насъ съ ногь. Кое-какъ, мимо бъдныхъ лавокъ со скверными жизненными припасами и богатенькихъ магазинчиковъ съ древностями, пробрались мы къ ръшетчатой двери театра. Въ театръ было не такъ вътрено. Мы вышли черезъ внутреннія ворота изъ тем-

наго кирпича кЪ амфитеатру, хорошо сохранившемуся, поросшему травой. Соломенныя шляпы, бЪленькія кофточки, свЪтлыя и темныя юбки запестрЪли передЪ глазами.

НЪмки и англичанки (женщинъ было втрое болъе) возлюбили амфитеатръ и не покидаютъ его. Толстыя, тоненькія, жидкія, больше старыя и всѣ некрасивыя, — разсыпались повсюду.

Полдюжины или больше устроились съ мольбертами, хотя непонятнымъ казалось, какъ вътеръ не уносить этихъ жидкихъ мольбертовъ. Рисовали усердно, и съ та-

Мѣдная ладоница XVII вѣка.

кимъ видомъ, точно вотъ, наконецъ, добрались онв до настоящаго, на все же остальное и смотръть не стоить. Казалось еще, что каждая художница втайн в ненавидить другую, и что имв завсь вывств очень твсно; но это греческія развалины, для которых в он прівхали в в-Таормину и чтожь туть еще дьлать, какъ не сидъть среди греческих в развалинь? Два молодых в итальянца, неприличныхъ, въ клътчатыхь брюкахь, прошли, громко и грубовато разговаривая и смБясь. У одной англичанки вътромъ завернуло пелерину и обнаружилась плоская талія, едва стянутая кожанным в кушаком в. Она, стараясь поправиться, заговорила быстро на своемь птичьемь нарвчии. Мы постояли на сквозном в вътръ, посмотрЪли, не сговариваясь, повернули назадь и вышли изв амфитеатра. Тропинка около полуразрушенных в ствнв вела вв сторону, на утесв. Мы пошли, цВпляясь за выступы камней, до маленькой площадки надь обрывомь на скаль, гдь можно было състь, потому что стъна защищала насъ со стороны вътра.

— Воть она, Таормина, — сказаль нашь пріятель недовольнымь тономь, глядя внизь. — Экое мьсто! Неудобное, грустное...

— Ну воть, грустное! Сегодня вытеры... А вы взгляните — выдь это красота!

— Вѣтерь? Погодите, будеть она вамь и безь вѣтра. Я сразу вижу. Красиво, красиво, спора нѣть... А помните, еще у Полонскаго про это очень забавно сказано... И пріятель съ аффектаціей прочель:

Есть форма — но она пуста; Красиво — но не красота!

Старинная русская вышивка.

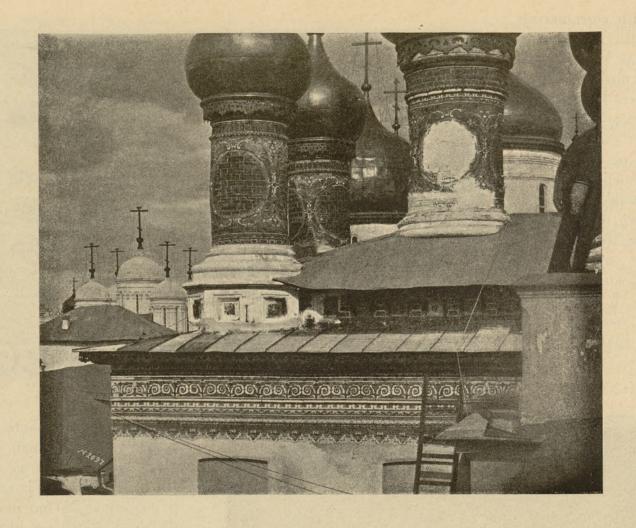
ВЪ ворчливыхЪ словах в пріятеля была, конечно, доля правды; но почему, и откуда, и велика-ли эта доля — мы еще не знали. МнЪ захотрлось видъть Таормину въ жаркомъ блескъ и великолбпіи. Теперь все мутнъло въ сирокко. На томЪ мъстъ, гдъ должна была быть Этна, толпились пухлыя, темноватыя

Шитая пелена XVI вѣқа.

облака. Около насъ, по скаль, выдаваясь изъ травы, ползли все тЪ же безконечные кактусы, толстые и молчаливые. Они только беззвучно вздрагивали своимь крвпкимь твломь оть порывовъ вътра. Какая-то длинная трава вилась и трепалась по камню. Среди зелени мелькали яркооранжевые ноготки и маки. ИхЪ было равное количество, они гнули головки другь кв другу совсвыв близко. Сначала казались оскорбительными и не соединенными эти два цвЪта. Но одинь изв моихв спутниковЪ, наскучивЪ недоумЪніемЪ, сорвалЪ ихЪ по три и соединиль въ букеть. И вдругь стало понятно, что ихв нужно умъть сочетать, что близость ихь была не оскорВерхнеспасскій соборъ въ Московскомъ кремлѣ.

бительна, и что въ дълахъ природы никогда ничто не бываетъ оскорбительно. Пухлая туча съ Этны еще надвинуласъ.

— Пойдемте домой, — сказаль мнъ спутникъ. Мы встали и поплелись въ гостиницу.

(Продолжение бубеть).

3. Гилліусь.

